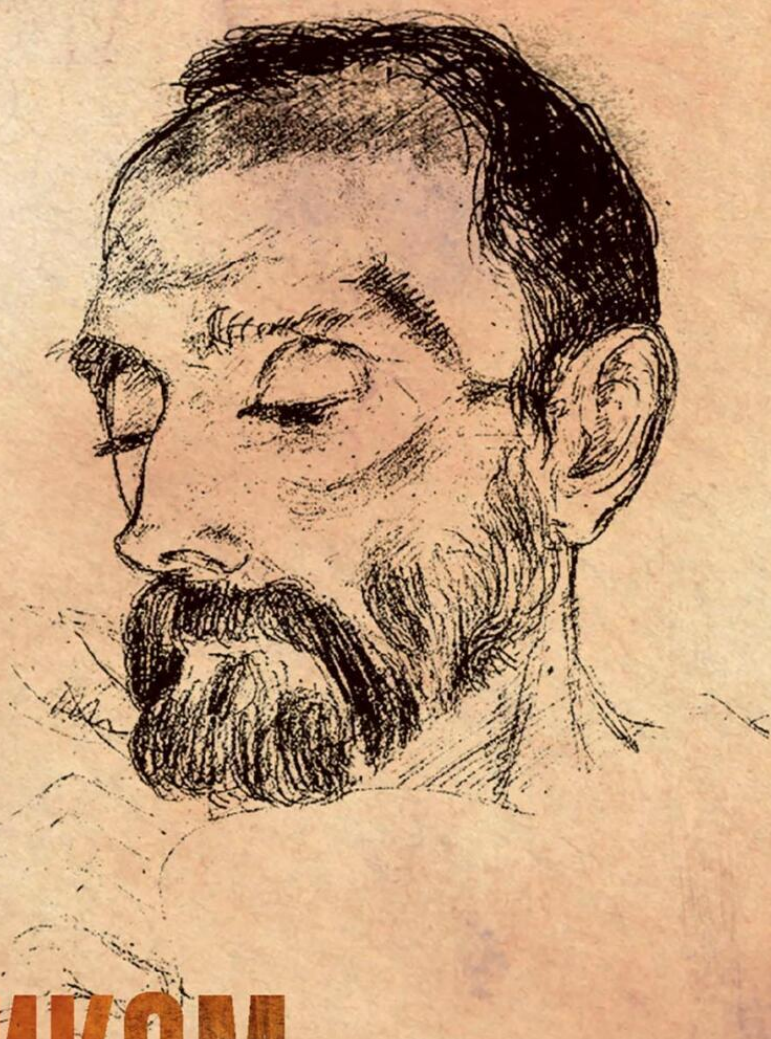


Архимандрит Дамаскин  
(Орловский)

**БОГ  
СУДИЛ  
МНЕ БЫТЬ  
ИСПОВЕДНИКОМ**



Житие  
священноисповедника  
Романа Медведя

архимандрит Дамаскин (Орловский)

**Бог судил мне быть исповедником.  
Житие священноисповедника  
Романа Медведя**

«Автор»

2023

**(Орловский) а.**

Бог судил мне быть исповедником. Житие священноисповедника Романа Медведя / а. (Орловский) — «Автор», 2023

Вниманию читателя предлагается житие священноисповедника Романа Медведя — выдающегося пастыря, прославленного в лике святых Русской Православной Церковью. Протоиерей Роман много времени и сил посвятил осмыслению и созданию христианской общины и восстановлению прихода, почти переставшего существовать к тому времени как живой и дееспособный церковный организм. Служение отца Романа началось в конце XIX столетия и пришлось на период общественных потрясений — Первой мировой войны, революции, освобождения Церкви от бюрократических пут государства и вскоре затем последовавших беспощадных на нее гонений от вновь образовавшегося государства. Возвышенные суждения и бесценный опыт мучеников XX столетия могут помочь современному человеку точнее ориентироваться в событиях сегодняшнего дня.

© (Орловский) а., 2023

© Автор, 2023

## Содержание

В преддверии священства	5
Проблемы христианской общины	13
В Церкви нет овец бессловесных	19
Богом дарованную свободу мы вправе употреблять лишь на служение	27
Ему – Богу правды	
Конец ознакомительного фрагмента.	30

# **архимандрит Дамаскин (Орловский)**

## **Бог судил мне быть исповедником. Житие священноисповедника Романа Медведя**

### **В преддверии священства**

В первый день февраля 1872 года в соборном храме города Бела Седлецкой губернии «в присутствии свидетелей – Варфоломея Цыбульского, лет шестидесяти, и Якова Радоминского, лет пятидесяти», бельских мещан, был «заключен религиозный брачный союз между Иваном Медведем – сыном Иосифа и Марии из Солодухов, рожденным в деревне Хорошинке, учителем народного училища в городе Белой, холостым, лет двадцати семи, – и Марией Парафинюк, дочерью Матфея и Екатерины из Олешко, супругов Парафинюков, девицею, рожденной и при родителях в городе Белой проживающей, лет двадцати. Браку предшествовали три оглашения; провозглашены собранному в церкви на богослужение народу в 16-й, 23-й и 30-й день января текущего года». Препятствий для заключения брака не оказалось, новобрачные объявили, что не заключали никакого договора предбрачного. Бракосочетание было совершено священником Николаем Ливчаком. Акт о заключении брака был зачитан свидетелям, а по неграмотности их подписан священником Николаем Ливчаком.

Священноисповедник Роман родился 1 октября 1874 года в городе Замостье Люблинской губернии в семье учителя Ивана Медведя и его супруги Марии, работавшей акушеркой.

Вот как записал о таинстве Крещения младенца Романа в той неспешной, далекой от больших катастроф эпохе настоятель Свято-Никольской церкви в городе Замостье священник Антоний Решетилович: «Состоялось в городе Замостье 1 октября 1874 года в 3 часа пополудни. Явился лично Иван Осипович Медведь, учитель приготовительного класса Замостской мужской классической прогимназии, лет тридцать от роду имеющий, в присутствии Степана Ананиевича Шарина, инспектора Замостской классической прогимназии, кавалера ордена святого Станислава 2-й степени, лет сорока трех, и Ивана Ивановича Розмаинского, учителя пения Замостских прогимназий и старшего псаломщика православной Нерукотворенного Образа церкви, лет сорока от роду имеющего, в городе Замостье жительствоющие, и предъявил нам младенца мужского пола, объявляя, что он родился нынешнего числа текущего месяца и года в 6 часов утра от супруги его Марии, урожденной Парафинюк, лет двадцать шесть от роду имеющей. Младенцу этому на святом Крещении и Миропомазании, по чину Восточной Церкви совершенном нынешнего числа, дано имя Роман (Ярослав), а восприемниками были вышеупомянутый Степан Ананиевич Шарин и Феофила Николаевна Решетилович, жена настоятеля Замостской приходской святого Николая Чудотворца церкви».

Дома мальчика называли Ярославом. С этим именем он впоследствии учился в духовных семинарии и академии, долгое время подписывал им свои статьи и публикуемые проповеди (иногда двойным именем – Роман Ярослав), и только уже будучи священником в Санкт-Петербурге, стал подписываться одним именем – Роман, с каким он был рукоположен в сан иерея.

Храм, в котором был крещен Роман, был известен с 1589 года, когда Иван Замостский (Ян Замойский), основатель Замостской крепости, дал грамоту с разрешением православным жителям города, в подавляющем большинстве русским, беспрепятственно совершать богослужение по своему обряду и иметь своих священников. Храм существовал исключительно на пожертвования прихожан; они построили при храме школу, богадельню и больницу. В 1606 году православные жители Замостья учредили православное монашество и Братство и впоследствии получили от Иерусалимского патриарха грамоту, в которой значилось, что они

имеют благословение на введение у себя при храме святителя Николая православного монастыря, Братства и ставропигии. В 1706 году Анна Замостская (Замойская) насильно ввела унию и учредила при храме святителя Николая униатский монастырь василиан. Православное Братство, в значительной степени содержавшее храм, было разорено, так как часть его членов, соблазненная материальными преимуществами католицизма, перешла в католичество, и в 1762 году храм был отдан униатам. Монастырь василиан считался миссионерским, его деятельность была направлена на проповедь католицизма среди православных, и польские помещики щедро жертвовали на него свои средства для пропаганды преимущества католичества перед православием, а также того, что живущие здесь русские являются поляками. Как только успех был достигнут и большая часть русских, живших здесь, забыла свой родной язык и веру и стала считать себя коренным польским населением, всё имущество у униатов было отобрано и передано полякам-католикам, после чего монастырь быстро пришел в упадок.

Во время настоятельства в Никольском храме священника Антония Решетиловича, крестившего Романа, приход, в который входили город Замостье и пятнадцать деревень, включал в себя 721-го человека – мужчин и женщин. 15 мая 1875 года храм святителя Николая был присоединен к православию. Литургию в этот день совершал архиепископ Холмский и Варшавский Иоанникий (Горский) в сослужении 44 священников, в присутствии 102 делегатов от приходов и многочисленного народа. Всего в Замостье в этот день присоединились к Православной Церкви 44 священника и 51 приход.

В 1877 году в Замостье была возрождена деятельность Николаевского православного братства. Иван Осипович, поселившись с семьей в братском доме, воспитывал и обучал крестьянских детей, взятых Братством на свое иждивение. У Ивана Осиповича и Марии Матвеевны родилось семь детей – пять сыновей и две дочери, один из сыновей умер в отрочестве. Роман был вторым ребенком в семье.

Иван Осипович получил образование в Яблочинском русско-униатском училище. В 1866 году он был назначен учителем Межилесского начального училища. В том же году – поступил на Бельские педагогические курсы, получившие впоследствии статус учительской семинарии; после их окончания в 1869 году со званием учителя второклассного училища он был направлен в Полесское начальное училище. В 1870 году Иван Осипович был назначен в Бельское начальное училище, в 1873 году – учителем подготовительного класса Замостской мужской прогимназии, в 1879 году – учителем подготовительных классов Грубешовской прогимназии. В Грубешове, уездном городе Люблинской губернии, было в то время 522 дома с 7 912 жителями. Несколько позже, в 1892 году, жителей стало 9 606 человек, из них православных – 3 259, католиков – 1 074, евреев – 5 264. Первоначально древнерусский город Грубешов со всеми его окрестностями входил в состав Владимиро-Волынского княжества. Первый храм был построен здесь во имя святителя Николая. Позже, в 1340 году, большая часть Владимиро-Волынского княжества была включена в состав Великого княжества Литовского и Польши; население города много претерпело от частых нападений со стороны татар, которыми он был разрушен в 1498 году. После присоединения к России и возвращения униатов в православие храмы в Грубешове вошли в состав Холмско-Варшавской православной епархии. В то время когда там стала жить семья Ивана Осиповича, в городе были храмы Успения Пресвятой Богородицы и святителя Николая и два домовых храма – больничный и полковой, а также мужская прогимназия, двухклассное мужское училище и церковно-приходская школа, две больницы, два дома призрения, два православных братства, ссудно-сберегательное товарищество и несколько заводов и фабрик. В Грубешове прошло детство Романа, здесь он получил первоначальное образование.

В 1888 году, когда Роману исполнилось четырнадцать лет, Иван Осипович был назначен учителем образцовой школы при Холмской духовной семинарии, и вся его большая семья переехала в Холм, где для нее руководством семинарии была выделена квартира на первом

этаже школы. В том же году братья Роман и Иаков поступили в первый класс Холмской духовной семинарии. Эта семинария отличалась в то время миссионерской направленностью и демократическими порядками – в ней учились молодые люди православного исповедания из всех социальных слоев общества, как обучавшиеся до поступления в духовных заведениях, так и получившие домашнее образование. Ректоры, служившие по обычаю тех лет в таких учебных заведениях всего лишь на время пребывания на определенной ступеньке карьерной лестницы, часто менялись. При поступлении братьев ректором семинарии был протоиерей Михаил Добрянский, на следующий год ректором стал архимандрит Гедеон (Покровский), прослуживший на этой должности до 1891 года, затем один год ректором был архимандрит Климент (Верниковский). В 1892 году ректором семинарии стал архимандрит Тихон (Беллавин), будущий патриарх, с которым у Романа сложились хорошие отношения; впоследствии патриарх, как опытный администратор, видя в нем ревностного церковного деятеля, поддержал его начинания.

В 1891 году население Холма охватила жестокая эпидемия гриппа, унесшая с собой немало жизней. Гриппом заболел и Иван Осипович. Средств сколько-нибудь эффективных для борьбы с этой болезнью не было, она быстро перешла в воспаление легких, которое закончилось смертельным исходом. В час ночи 22 октября 1891 года Иван Осипович скончался, ему было тогда сорок семь лет. Узнав об этом скорбном событии, на следующий день в квартиру, где жила с детьми Мария Матвеевна, пришли учитель Холмской духовной семинарии Гавриил Хрущевич и эконо́м семинарии диакон Симеон Сошинский, исполнившие печальную обязанность – засвидетельствовать смерть своего сослуживца и собрата. Роману исполнилось в это время семнадцать лет.

Окончив в 1894 году Холмскую семинарию по первому разряду, Роман поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Во время обучения в академии он стал активным участником Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, которое с 1892 года и в течение многих лет возглавлял протоиерей Философ Орнатский. Одной из сторон деятельности Общества была организация студенческой проповеди в различных аудиториях. В 1887 году Троицкая церковь в Галерной гавани на Васильевском острове, две частные квартиры на Песках в густо населенной части города рядом с Александро-Невской лаврой, квартира в доме Федоровой на Обводном канале и приют на Сенной площади стали первыми местами проповеди, в которой принимали участие тогда всего несколько студентов. Через десять лет, в 1897 году, таких мест, где проповедовали уже 56 студентов академии, стало семнадцать – в храмах, в столовых и школах, при фабриках и заводах. Вскоре эта проповедь стала раздаваться в тридцати четырех местах. Первоначально проповедь студентов охватывала небольшое число слушателей и состояла из чтения поучений, но уже через десять лет она охватила десятки тысяч человек и уже ничем не отличалась от проповеднической деятельности пастырей Церкви. Студенты не только вели духовно-нравственные беседы, но и организовывали общества трезвости, духовные библиотеки, церковно-народные хоры, становились добрыми личными советчиками своих слушателей в вопросах семейной и церковно-общественной жизни.

«Студенческая проповедь в обширной столице, при недостатке и в православных храмах и в духовенстве, – писал протоиерей Философ Орнатский, – является чрезвычайно важным и дорогим подспорьем пастырской деятельности: без нее проповедь православия не могла бы раздаваться так широко, как при ее помощи. И ревностный пастырь, если он один при фабричной или заводской церкви, иногда не в состоянии бывает вести проповедь еженедельно, отдаваясь ей всеми силами души; равно и приходские священники, даже если их несколько, при многосложности обязанностей, лежащих на приходском духовенстве, не могут открыть проповедь в нескольких разных пунктах своего прихода, а это часто является необходимым по искренним и дорогим побуждениям самих прихожан. Они желают собираться и слушать поучения по будням не в храме, а в частных домах, иногда нанимая для этого на свой счет квартиры, – не по

холодности к храму, нет! А, напротив, по великому уважению к нему: в частную квартиру на беседу они могут пойти прямо с фабрики или после работы, в будничном костюме, тогда как в храм они стесняются пойти в таком виде. Так возникает много мест для проповеди, которая может иметь успех, если она непрерывно раздаётся в известные назначенные для нее дни и часы, а это возможно по местам устроить только при помощи господ студентов-проповедников. Так студенческая проповедь должна быть дорога всему столичному духовенству, которое в лице студентов имеет своих энергичных помощников, заместителей и продолжателей святого дела учительства церковно-народного».

Роман Иванович выступал с проповедями и участвовал в миссионерских беседах как в зале самого Общества, так и в тех духовных и миссионерских центрах, которые тогда во множестве возникали при учреждениях и фабриках Санкт-Петербурга. 10 октября 1895 года состоялось открытие духовных бесед при Петровско-Спасской мануфактуре в селе Смоленском за Невской заставой, где привлеченные к миссионерскому делу студенты академии и священники безвозмездно стали вести беседы два раза в неделю. Первую беседу здесь провел Роман Иванович, сделав в ней основной акцент на том, что «истинное счастье человека заключается не в богатстве и не в чувственных грешных удовольствиях, а в живом союзе с Богом, в повиновении Церкви Христовой и в мире со своей собственной совестью». Беседа закончилась глубоким вечером и произвела огромное впечатление на слушателей.

Роман Иванович хорошо знал проповедников Западной Руси, в значительной степени находившихся под влиянием образованных и высоко квалифицированных католических проповедников, которые не только в совершенстве владели ораторским искусством, но хорошо изучили психологию своей аудитории и потому знали, что делать, чтобы слушатели, когда проповедник сочтет это нужным, или плакали, или приходили в восторг. Проповедник Западной Руси, как хороший актер на сцене, способен был держать аудиторию в напряжении продолжительное время, а если он был при этом и талантлив, то его выступления непременно сопровождались овациями, и человеческая слава ему была обеспечена. Одно только оставалось неясным – уходя из аудитории, будет ли он сам следовать тому, к чему призывал своих слушателей, или для него это была всего лишь работа, после которой последует отдых, а затем – снова работа и снова отдых. Совсем иное отношение к слову проповедника Роман Иванович встретил в центральной России, где религиозная деятельность сопровождалась напряженным духовным трудом; на этом поприще равно трудились и проповедники, и слушатели, одинаково заинтересованные в своем духовном развитии.

12 декабря 1897 года Роман Иванович выступил на собрании членов Общества от лица всех студентов-проповедников. «Мы, студенты духовной академии, уже одним поступлением в это учебное заведение предпреем свою будущую деятельность, – сказал он. – Изберем ли мы пастырство, монашество или учительство, начиная с высшей школы и кончая низшей, – наше главное дело определяется как воспитание душ живых в вере Христовой. Вполне ли мы подготовимся к этому делу или совсем нет – всё равно, большинство из нас вступит на это поприще и так или иначе будет воздействовать на окружающую среду, только беда, если не в том духе, который будет соответствовать нашему званию. Четырьмя годами академического курса мы должны воспользоваться так, чтобы оказаться возможно более достойными нашего будущего звания. Проповедничество в этом отношении не стоит у нас поперек дороги. <...>

Вот первое впечатление, вынесенное мною от слышания беседы одного не из красноречивых, но ревностных студентов-проповедников. Это было более трех лет тому назад, спустя месяца два после моего поступления в академию. Хотя я и знал о том, что студенты ведут беседы, но сам не решался взяться за это дело, потому что считал его не по силам для себя. Только однажды, случайно заинтересованный тем, что один из моих товарищей собирался на беседу, и я решил пойти познакомиться с этим делом. Меня провели на Кирилловскую улицу. По-видимому, я ничего особенного там не увидел – небольшую залу в образах, проповедника

в стихаре, говорящего с возвышения о святых мощах, и слушателей низшего класса. Но нужно было взглянуть на лица и выражение глаз слушателей. Нужно было видеть, какая пламенная вера горела в них во время пения церковных песнопений, хотя пение было не особенно хорошее; нужно было видеть, как все они обращались в слух во время речи проповедника. Кажется, они ни одного звука не проронили из беседы. Признаться, мне доселе не приходилось видеть ничего подобного в отношении к проповедуемому слову, а я не могу сказать, чтобы слышал доселе немногих проповедников. Я видел на западе России, как проповедники вызывают своим словом и всеобщие слезы, и вздохи. Но там чувствовалась какая-то ложная аффективность, какое-то религиозное мление, а у проповедника – театральность. Здесь же я видел серьезное, вдумчивое внимание и очевидное понимание всего говоримого. Было видно, что сюда приходят на дело – учиться и молиться. Чувства у слушателей я видел не менее, чем на родине, но оно не проявлялось в таких странных порывах, где теряется сознание и ощущается что-то несчастное, неестественно-вымученное. Я сразу почуял здесь что-то новое, чего не видел на своей родине, на западе России; я увидел как будто другую народную душу, которая так непосредственно и так умно, смиренно говорила о себе. Я думаю, этот вечер дал мне больше, чем несколько книг. Когда я возвращался домой, для меня уже не существовало вопроса, буду ли я проповедовать. Я полюбил своих слушателей с уважением, с почтением к ним. Постараться подготовить себя к проповеди для меня стало значить всё равно, что не лишиться себя величайшего удовольствия и пользы находиться в общении с этим народом.

Пусть я вынес это впечатление по особенностям своего характера и своеобразным условиям предшествующей жизни, но я смело могу сказать, что и на большинство проповедников первое впечатление от слушателей имеет решающее значение. Мало ли добрых дел, но не на всякое мы откликаемся всей душой. А если здесь откликаемся, то, очевидно, потому, что это дело нам кажется близким, родным, оно нам вполне по душе. <...>

Близкое соприкосновение с народом меня удостоверяет в том, что в бессознательных глубинах народного духа действительно живет неложное христианство, как говорит один из наших философов. Наша обязанность способствовать тому, чтобы его православие стало просвещенным, сознательным. Но я могу давать только то, что есть у меня. И я, взявшись беседовать, таким образом, нравственно обязываюсь следить за собою. Мы должны быть очень и очень осторожны, чтобы не уничтожить чего-нибудь доброго в душах слушателей, чтобы не подменить истинное христианство чем-нибудь выдуманным. Мы должны быть чуткими к народной душе. Едва ли кто станет сомневаться в плодотворности таких мыслей для души проповедующего. <...>

С какой стороны вы ни посмотрите на дело – проповедник много может получить от соприкосновения с этой народной душой. Скажете ли вы, что будущему деятелю нужна искренняя, самоотверженная вера в свое дело, ему нужно единство духа, такое, какое было у мучеников, которые не задумывались идти на костры за Христа, потому что без Него для них жизнь была невозможна, – если такое единство нужно деятелю христианскому, если ему нужно воодушевление, любовь, то здесь, в соприкосновении с народом, не найдет ли он всего этого? <...>

Тем, которые требуют, чтобы будущие деятели были людьми знающими, просвещенными, мы скажем: внимательное проповедничество и общение с добрыми слушателями натолкнут их на то, что важнее всего знать теперь, что нужнее всего. И пусть никто не подумает, что мало придется изучать проповеднику, что на малое натолкнет его жизнь. Нет, на очень многое.

Если сначала ревностный проповедник находится более под влиянием слушателей, то потом он делается более воздействующим. Пусть кругом по его адресу раздаются благодарности от всех слушателей вместе и от отдельных лиц, – он знает, что сам по себе он ничего почти не сделал. Во-первых, сами слушатели нередко проявляют необычайную энергию и самодей-

тельность при желании основать, например, общества трезвости или при оказании кому-либо помощи. Если его внимательно слушают, то в этом более всего иногда он обязан той почти богослужебной обстановке, в которой он беседует. Не себе, иногда вовсе не выполняющему того, о чем беседует и что проповедует иногда студент, – а Тому, Кто вложил в его слушателей эти порывы к добру, Кто дал веру в священство и посланных Его, Кто возбудил уважение к богослужению, обязан проповедник, что слово, которое он возвещал, исполнено силы иногда для его собственного самоукорения; Ему он обязан и теми благодарностями, которые так изобильно выпадают на долю проповедника.

Когда проповедник начинает сознавать всё это, его положение по отношению к народу вполне уясняется. Он видит, что может употребить все добрые чувства народа во зло, с тем чтобы господствовать над наследием Божиим, а не служить ему. Он видит, что своим положением и сравнительной сознательностью он может так воспользоваться, чтобы держать народ в духовной теме. Оглядываясь кругом, он видит, что бессознательно или сознательно многие и в Отечестве нашем вступают на этот путь. Но кто дошел до этого сознания (если он честен), то еще ярче перед ним должен выступить идеал истинного пастырства как действительного воспитания душ живых. Он тогда воочию убеждается во всей силе слов Христа Спасителя: блюдите, да не презрите единого от малых сих, он чувствует страшную ответственность за всякую душу. Если у него есть некоторое превосходство над слушателями, он сознает, что обязан сделать всё, чтобы уничтожить это превосходство, чтобы стать вполне братом слушателю, чтобы у них одним отцом был Отец Небесный, а одним учителем Христос. Задача пастыря – так воспитать душу, чтобы она сама могла стать пред Господом и вполне свободно и сознательно избрала добро.

А когда пробудившаяся народная душа сразу переменяет свою жизнь в некоторых отношениях, взор проповедника и пастыря не должен ли быть устремлен на то, что должно быть дальше? Он вспомнит тогда о том, что христианство должно переродить все жизненные отношения по своему идеалу, слабым осуществлением которого была жизнь христиан первых веков, до которой нам далеко. А что здесь затронуты вопросы экономические, государственные, исторические, научные и всякие другие – это стоит вне всякого сомнения.

Здесь не могу еще умолчать о том, как, воспитывая проповедника, народный дух побуждает его и научает быть вполне искренним и не говорить того, что еще пока не пережито сердцем, – не говорить красивых слов.

Принимая во внимание всё сказанное, всякий из слушателей наших видит, что не нам только принимать благодарности, но и нам благодарить <...>. Благодарим прежде всего и после всего Того, Кто устрояет всё это для нашего взаимного благополучия...»

В 1898 году Роман Иванович окончил Санкт-Петербургскую духовную академию по первому разряду со степенью кандидата богословия с правом на получение степени магистра богословия без устного испытания. Кандидатское сочинение им было написано на тему: «Приход, как основная форма церковной жизни». В соответствии со своими нравственными и религиозными пожеланиями он 1 сентября того же года был назначен регентом и проповедником при церкви святого Иоанна Предтечи на Выборгской стороне.

Живя в Петербурге, Роман Иванович познакомился с протоиереем Иоанном Кронштадтским и, став его духовным сыном, ничего впоследствии не предпринимал без его благословения. Духовное окормление отца Иоанна оказало на него большое влияние, и, рукоположенный во священника, он центром своей деятельности сделал литургическое служение, и были периоды, когда он служил ежедневно.

12 августа 1899 года Роман Иванович был назначен помощником инспектора Литовской духовной семинарии. Ректором семинарии был тогда архимандрит Палладий (Добронравов), инспектором – Иосиф Васильевич Щербицкий, а затем священник Евстафий Сергеевич Гроздов, надзирателем – Владимир Кузьмич Ходкин. Все были выходцами из Западных и Северо-

Западных губерний Российской империи – Могилевской, Виленской, Ковенской и Люблинской.

В 1900 году в семинарии произошло событие, которое потрясло всех, – и не столько своим непосредственным содержанием, ибо нет ничего более обычного и привычного на земле, чем смерть, сколько своей внезапностью. В последних числах мая утонул ученик 5 класса Всеволод Парчевский. Это произошло столь стремительно, что никто не успел оказать ему помощь, а затем прошло еще некоторое время, пока полицейские смогли отыскать его тело. После отпевания, совершенного в семинарской церкви, гроб был отнесен семинаристами на кладбище. И здесь, у открытой могилы, Роман Иванович сказал надгробное слово, в котором отразилось его стремление проникнуть в тайны жизни за гробом: «Еще несколько мгновений и сырая земля навсегда скроет от нас прах возлюбленного брата нашего, воспитанника Всеволода. В эту минуту тяжелой разлуки последнее слово должно принадлежать тебе, брат наш Всеволод!

Ты знаешь теперь больше нас. Ты знаешь тайну жизни и тайну смерти, и мы не ошибемся, когда скажем, что твоя откровенная душа хотела бы поделиться с нами твоим новым знанием. Увы! безмолвные уста закрылись навеки и не откроются никогда. Тщетно с напряженным вниманием мы будем прислушиваться к твоему праху. – Но твоя душа жива. Ее не видят телесные очи, не слышат земные уши. Но у людей веры есть видение веры, и у людей любви есть слух любви. Проникая в твою душу, это видение и этот слух слышат, что из-за пределов смерти ты обращаешься ко всем нам с тихой мольбой. Она есть плод новоузнанной тайны твоей и того тихого покоя, который должны были возбудить в тебе молитвы Святой Церкви.

Послушайте же, братья и сестры, эту последнюю мольбу Всеволода. Он надеется, что мы выслушаем его внимательно. Он видел, сколько любви проявили его товарищи в отыскании и в заботах о его бранных останках. Он ощущает и те добрые чувства, которыми одушевлены все мы здесь, у его могилы. Послушаем же, что скажет Всеволод. Вот его слова: „... Молитесь обо мне; это самый лучший ваш дар для меня. Вы обещали молиться всегда. Благодарю вас. Молитва – возношение человеческого существа к Богу. Мне теперь ясно, откуда раздается и она, и сладостная вера. Я знаю, те из вас, души которых застилают тягостные сомнения, – не могут молиться. Но и вы можете мне дать драгоценный дар. Живите добром. Дорожите всякой искрой добра в себе и в других! Раздувайте ее в яркое пламя. Нежно обходитесь с этим благородным растением в себе и других. Живите добром. Не изменяйте ему. Знайте, что все ручейки добра нашей Богозданной природы текут в одно море Божией любви. Жизнь добром приведет вас к вере, любви и молитве. Не ослабевайте же, живите добром и надейтесь, трудитесь в добре. И моя радость будет совершенной, когда вы так вживетесь в небесную правду добра, что смерть не станет вам страшной. Большого я не могу желать, чем то, когда тяжелое смущение, трепет, вызванные моей неожиданной смертью, заменятся в вас той радостью, которую испытывали мученики первых веков перед смертью...“».

После окончания академии Роман Иванович был намерен отказаться от брака и всего себя посвятить служению Господу, но, увидев Анну Николаевну Невзорову, которая училась тогда на медицинских курсах в Санкт-Петербурге вместе с его сестрой Ольгой, он стал колебаться в своем решении, и ему подумалось: Господь показывает ему, что и в браке возможно святое, ревностное служение Господу. И 19 октября 1900 года он сделал Анне Николаевне предложение. 9 декабря того же года Роман Иванович был уволен с должности помощника инспектора семинарии, согласно своему прошению, и, готовясь к рукоположению в сан священника, уехал в Санкт-Петербург.

В Петербурге ему было предложено несколько священнических мест, и митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) обещал поддержать его выбор. Тогда же с особенной настойчивостью его стали звать на место священника в Крестовоздвиженское трудовое братство, находившееся в Глуховском уезде Черниговской губернии. В конце концов Роман

Иванович склонился к служению в Крестовоздвиженском братстве и, остановившись на этом решении, как он говорил, все другие предложения стал воспринимать как помеху, соблазн, который, «чем более шумит и хочет кружить ... голову, тем опаснее».

## Проблемы христианской общины

В 1901 году 7 января Роман Иванович обвенчался с Анной Николаевной Невзоровой, дочерью священника, служившего в церкви в Старорусском уезде Новгородской губернии. 22 января 1901 года епископ Черниговский и Нежинский Антоний (Соколов) назначил Романа Ивановича на место священника в Крестовоздвиженскую церковь на хуторе Воздвиженске и 25 февраля рукоположил его во диакона, а 4 марта – во священника.

Хутор Воздвиженск и храм располагались в имении помещика Николая Николаевича Неплюева, который был не только основателем, административным главой, но и духовным руководителем Крестовоздвиженского трудового братства. Приехав на место своего первого пастырского служения, отец Роман был в какой-то степени ошеломлен порядками, имевшимися в приходе. Если до своего приезда он обещал редакции «Миссионерского обозрения», что будет регулярно посылать в журнал свои статьи, описывая в них жизнь знаменитого Крестовоздвиженского братства, то теперь он понял, что еще долго не сможет выполнить своего обещания, потому что ему самому еще предстояло во всём разобраться. Только через год он смог писать о Братстве, не возводя напраслины, не преувеличивая и не преуменьшая его достоинств.

Изложив свои соображения относительно Братства письменно, в виде отчета о своей деятельности за минувший год епархиальному архиерею, епископу Черниговскому и Нежинскому Антонию, отец Роман сначала предполагал послать доклад по почте, но затем подумал, что к нему могут понадобиться и устные разъяснения, тем более необходимые, что в течение года он ничего не писал о проблемах в Братстве, и потому решил лично встретиться с епископом и, если будет нужно, ответить на все могущие быть недоумения.

Объяснения действительно потребовались; для епископа прежде всего было неясно, почему священник столь долго молчал. Отец Роман объяснил, что молчал потому, что не хотел ошибиться, высказать в столь важном вопросе что-то скоропалительное и, может быть, ошибочное, что не вполне бы соответствовало действительности. На уяснение неординарного – религиозного и социально-общественного – явления, внутри которого он оказался, потребовался год. Но теперь он мог вполне взвешенно высказать епископу Антонию взгляд на свое положение в Братстве как пастыря Православной Церкви. Епископу Антонию сказанное священником показалось столь существенным, что он пожелал, чтобы отец Роман лично сообщил об этом Святейшему Синоду.

Отец Роман отправился в Санкт-Петербург и 8 июля 1902 года представил свой доклад о положении дел в Братстве обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву, также направил копии докладов митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию, архиепископу Харьковскому Флавиану (Городецкому), которого он знал по его деятельности епископом Люблинским, а затем Холмско-Варшавским, и некоторым другим.

Вопросы, которые поставила священнику жизнь во время его служения в Крестовоздвиженском братстве, оказались исключительно важными, так как Братство, состоя из людей православных, являлось в то же время замкнутой социально-экономической общиной, как бы небольшим государством со своими уже сложившимися правилами и обычаями, так что предстояло решить, что пастырь считает принципиальным и существенным для себя, от чего ему ни в коем случае не следует отступаться, столкнувшись с уже установившимися в Братстве порядками. Служение в общине побудило отца Романа четче сформулировать для себя задачи пастырства. В дополнение к докладу он написал большую статью под названием: «Какими принципами я руководствуюсь в своей пастырской деятельности?»

В ней он, в частности, писал: «... молю Бога, чтобы и мое пастырство не было тщетным, но вполне бы соответствовало носимому мною сану православного иерея <...>, чтобы быть

верным служителем Пресвятой Троицы. Я понимаю, что пастырство есть высшее служение для христианина на земле, и не дай Бог ни мне, ни всякому другому пастырю служение Богу променять на служение человеку, каковы бы ни были его личные достоинства и высокое земное положение. Высота пастырского служения несравнима. <...>

Способы пастырского руководства <...> не могут быть однообразными. Одно можно сказать с совершенной несомненностью. Везде громадное значение имеет исповедь как констатирование во всей действительной наготе настоящей действительности. Исповедь есть лот, которым определяется церковная глубина и отдельного христианина, и христианских обществ. Без неё невозможно определить настоящего уровня церковной жизни, сохранить правду церковную и нормальное развитие вперед. Исповедь является как бы почвой всего христианского делания, основное выражение любви пасомых к пастырю и пастырей к высшим руководителям христианской жизни. Равно и обратно: духовническое руководство – высшая форма любви к пасомым. Исповедь и нормальное ее положение вырастает в первостепенный вопрос для Церкви и государства, потому что она есть истинное самопознание, без которого немыслимо никакое христианское движение. А пастырское разрешение и вязание является самым интенсивным охранителем церковной целостности, высоты и роста. Дело – необычайной важности и трудности для каждого пастыря. <...>

Пастырство есть основной узел к разрешению всех христианских проблем. Вопрос о пастырстве вырастает в первостепенный вопрос Церкви и христианского государства. И едва ли прозвучит неправдой, если мы скажем, что только должное решение его даст надежду, что наконец мгла, облегающая наше Отечество, рассеется, Церковь и христианское государство прочно станут на свои исторические устои...»

Отец Роман не скрывал своего отношения к духовным проблемам Братства, как он их видел, не пытался выстроить «лояльных» отношений с братчиками в ущерб христианским принципам, но, наоборот, попытался публично указать на их недостатки, чтобы тем вернее найти путь к их исправлению. Священнику было не по душе, что самой формой устройства Братства и установками его руководителя у людей была отображена свобода нравственного поступка, возможность относиться ко всякому человеку по-христиански, вне зависимости от того, является ли он или нет членом Братства. Не по душе было и то, что жизнь в Братстве устраивалась на условиях лидерства одного человека, председателя Братства, которому было выгодно держать остальных в некотором невежестве, не давая им права на свои собственные воззрения. Прискорбным было и то, что руководитель Братства не испытывал ревности относительно исполнения церковного устава, например поста. Но, не желая показать свою слабость перед подчиненными ему членами Братства, он оправдывал себя казуистическими рассуждениями с ложными ссылками на Священное Писание, чтобы иметь возможность и самому не поститься, и подталкивать к тому же других. Свободное обращение с церковным уставом и ничем не оправданное отступление от него приводило к душевному и телесному расслаблению членов Братства.

В 1902 году отец Роман, в соответствии с уставом Крестовоздвиженского трудового братства, подал в общее собрание всех полноправных и приемных его членов заявление о религиозно-нравственной стороне жизни Братства. В нем он попытался ответить на кардинальные для Братства вопросы: «Сознательно ли православно Братство? Насколько Братство восприняло истины православия? Каково в Братстве братское общение? Каков в Братстве труд?»

Особенно поразило отца Романа нехристианское отношение к людям, не состоящим в Братстве. «В отношениях к „не братьям“, – писал он, – рекомендуется жесткость и бесчувственность через принципиальное отвержение необходимости для себя частной благотворительности. Это показывает, что „высшая систематическая благотворительность“ Братства – мертвая умственная выкладка для замаскирования своего эгоизма и скупости, а не составляет истинной потребности Братства на основе жалости к человеческому горю. <...> Отсекать от себя

частную благотворительность – значит <...> отсекают от себя питающие соки живого чувства, значит застраховать себя от возможного сознания своих ошибок и мертвости своего дела через встречу с истинной человеческой бедой».

Отец Роман заметил руководителю Братства Н. Н. Неплюеву, что тот сознательно держит членов Братства в невежестве. «Усвоения православного учения почти нет, – писал он. – Первоначальное научение в начальной школе и то же первоначальное научение в низших сельскохозяйственных школах при одном-двух уроках в неделю и только – этого времени для приобретения полноты учения Церкви крайне недостаточно. Так дело обстоит в школах. В Братстве еще хуже. <...> Учредитель Братства не желает большого умственного развития для членов Братства; он прямо боится его и считает излишним...»

Эти общие установки Братства создавали тяжелые отношения между членами Братства и служившими здесь священниками – ни один из них не смог прослужить в Братстве в течение сколько-нибудь продолжительного времени. Столкновения с жесткими порядками Братства подтолкнули отца Романа к тому, что он вынужден был определить четко для себя самого, каким он видит образ христианского пастыря, что считает идеалом и от каких христианских принципов считает невозможным отказаться. Его церковные представления о месте пастыря в приходе и принципы, которыми руководствовалось Братство, оказались в непримиримом противоречии.

Отец Роман писал по этому поводу в своем заявлении общему собранию Братства: «Братство доселе еще не стало на путь чистого, святого добывания хлеба. Этому мешают винокуренный завод [с наемными рабочими] и смешение помещичьего хозяйства с чисто братским. <...> Настоящая экономическая организация Братства грозит обратить его в коллективного помещика, весьма тяжелого для окружи, поскольку всякая частная благотворительность является запрещенной по уставу. Получается самая жесткая форма капиталистического строя без всякого приражения не только христианских, но и просто человеческих чувств. Труд Братства потерял нравственно оздоравливающее значение, следовательно, по своему жизненному принципу Братство неуклонно стремится в самоуслаждение. Между прочим, это доказывается и отношением Братства к постам Церкви. Напрасно оно не решается до конца послушать ее – сделать у себя все ее посты обязательными. В уважении христианской свободы у Церкви только надо учиться.

По вопросу о постах у Братства существует грустный софизм. Не соблюдавший их истово блюститель странно переиначил слова Апостола о ядении мяса, говоря, что по нашему времени их надо бы понимать так: не буду поститься вовек, чтобы не соблазнить брата моего (соседнюю крестьянскую округу, твердо соблюдающую посты, но часто незнакомую с основными истинами христианства, не считающую грехом преступление, но считающую грехом несоблюдение поста). <...>

Итак, Братство принципиально закрывает себе дорогу, ведущую к самоотречению и смерти для мира и греха.

Могут ли после этого быть у Братства чистыми отношения к главному условию духовного развития – Церкви и ее служителям? Есть в Братстве ходячий принцип о предпочитающих торговать своим трудом и духовными силами, вместо того чтобы состоять членом трудового Братства. По этому принципу священник, получающий от Братства жалованье, есть лицо, продающее ему свой труд и духовные силы. Уж не покупает ли у него Братство и благодать таинств за платимое ему жалованье? Едва ли благоразумно ставить себя в такое странное положение в отношении таинств.

Исторические отношения Братства к православному священнику ненормальны. Братство постоянно разделяло в священнике нравственную личность и носимый им сан и через то открыло себе широкую дорогу для осуждения и попирания священства. Согласно этому разделению, всё в пастырском руководстве неприятное для овцы и стада может быть относимо

к личности священника, не имеющей никакого отношения к носимому им сану. Пастырь должен пасти овец, как того желают овцы. Если же согласно указаниям своей совести и долга пастырь станет призывать овец к покаянию в сладких для них грехах, овцы назовут это недостойным сана православного священника стремлением к духовному деспотизму и попранием прав мирян Православной Церкви на устроение жизни согласно их личным убеждениям.

Священство – не колдовство, таинства – не шаманские действия. Возможно, и бывают священники, сана недостойные, когда необходимо отделять личность от священства, так как Господь может действовать и через недостойное посредство. Но общая норма – не такова. Священство есть сила нравственно-мистическая. Огульное разделение между священным саном и личностью священника вносит разделение смерти в основную церковную жилу. Презирать священника как личность и получать от него Святые Тайны – не дело доброго мирянина. Добрый мирянин, если увидит болезнь в пастыре, отнесется к ней по образу Сима, а не несчастного его брата, будет болеть от мысли, как прикрыть отчую наготу, сам пойдет во священники и покажет его истинный нравственный образ. Если же Братство этого не сделало даже на одном примере, то пусть убоится предаваться осуждению священства. <...> В противном же случае пусть вспомнит об участии третьего сына Ноева».

Становилось всё более очевидным, что служить дальше при таком устройстве Братства отец Роман вряд ли сможет, и он принял решение просить церковное начальство перевести его на другой приход. Для себя он дал четкий ответ на вопрос, «почему священники долго не могут жить в Крестовоздвиженском трудовом братстве». «О своих предшественниках говорить не имею права, – написал он 16 октября 1902 года, – но о себе должен сказать, что основной причиной, побуждающей меня оставить Братство, есть моя нравственная немощь, которая помешала Братству принять мое пастырское руководство в той форме, в какой оно представлялось мне неизбежным сообразно с духовными немощами моей паствы. Остаться же в иных отношениях к Братству, кроме пастырских, пребывая священником в Братстве, я не могу.

Осмеливаюсь думать, что, согласно уставу и практике Братства, доселе ни один священник не мог вступить в Братство в роли пастыря. Согласно уставу Братства все права священника как настоятеля приходского братского храма в существе являются номинальными.

В обычных православных приходах священник, являясь ответственным за свою паству перед Богом и Церковью, в своем пастырстве со стороны прихожан не ограничен никакими религиозно-нравственными учреждениями и санами.

В Братстве священник ограничен в своем пастырстве Думой и Блюстителем. Дума устанавливает внутренний уклад жизни Братства в религиозно-нравственном отношении. <...>

Дума с Блюстителем во главе, таким образом, в деле устроения религиозно-нравственной жизни являются лицом и учреждением, параллельным со священником. Священник, по существу, является ниже и Блюстителя и Думы. <...>

Дума имеет право избирать священника.

Ни по какому параграфу устава священник не влияет на избрание Блюстителя, членов Думы и даже рядовых членов Братства, если священник получает жалование.

Если же жалования священник не получает, он пользуется даже низшими правами, чем члены Думы, и уравнен с ними лишь в праве голоса.

И в том и в другом случае положение священника является унижительным, не соответствующим его исключительному и единственному положению общего для всего прихода пастыря. <...>

Положение священника, получающего жалование, ниже положения всякого члена Думы, и члены Братства не могут по уставу иначе трактовать священника. Несомненно, истинное нравственное достоинство может завоевать священнику все принадлежащие ему права. Апостолы их завоевали и в языческих организациях. Но в обычных православных приходах священник является на традиционное – готовое. После того как он послан от епископа, ему заслу-

живаться перед паствой не приходится. Она принимает его со всеми его прерогативами, а не только с обязанностями.

В Братстве дело обстоит иначе. Даже после избрания священнику приходится свое положение завоевывать. Братство предъявляет к нему требования полного удовлетворения тому идеалу священника, какой у него есть, и в своих требованиях опирается на всю свою организацию. Священник на положении испытуемого. Предъявлять к Братству требования в смысле полного удовлетворения его идеалу православной паствы – преждевременно. Прежде докажи нам, что ты на это имеешь нравственное право, и тогда мы признаем тебя свободно, хотя по видимому это сделано гораздо ранее в факте избрания. Священник на этом испытании, неожиданном, но едва ли уставном, не может иметь опоры ни в чем, кроме своего нравственного достоинства.

От подобного положения священника до признания, что он подчинен и юрисдикции Думы наряду с обычными членами Братства, всего один шаг. Священник совершенно очутился в положении овцы у своего пастыря – Думы. И по совести Дума Братства не может утверждать, что свою юрисдикцию она туда никогда не простирала. У священника параллельно с архипастырской властью явилась другая. <...>

В действительности положение священника гораздо тяжелее, чем даже принимаемого в Братство на испытание.

Братство в отношении к священнику имеет за собой десятилетнюю историю одного направления и образование соответствующих привычек. Все же бывшие священники Братства по своему опыту жизни в Братстве – одиночки, официально и реально вовсе не связанные в единство преемственного духовного опыта и пастырского руководства. Это делает Братство в отношении ко всякому новому священнику слишком вооруженным, священник же является, напротив, в полной наготе незнакомства с практикой Братства.

Священника слишком часто трактовали как врага Братства, создалась грустная привычка и в этом отношении, и потому при значительной собранности Братства не может укрыться ни один действительный и даже мнимый промах священника. Обо всем будет оповещен центр именно так, как оповещать привыкли чувствительные нервы.

Если прибавить к этому свойственную и нервам и центру вследствие духовной юности способность за внешностью мелочей и проявлений не видеть основного духа, то положение, в которое попадает священник, будет обрисовано вполне точно. <...>

Настоящий духовный отец Братства есть его учредитель, в действительности и воспитавший всех членов Братства. Будь он и священник, не было бы ничего страшного. Но священник при Блюстителе должен стать духовным отцом Блюстителя со всеми его духовными детьми. А это, конечно, и в той и в другой части зависит от Блюстителя. Когда последний станет истинным духовным сыном священника, станут в нем и все, насколько они его дети. Тяжелая коллизия уничтожится.

Для пастыря подобный приход, как собранный во едино через Думу и Блюстителя, представлял бы явление весьма желательное. – Иначе это две воюющие стороны. <...>

В подобном положении дела общая организация Братства остается почти без перемен. А это положение дела является тем более удобоисполнимым и для Братства не тягостным, что право избрания священника принадлежит Братству.

Впрочем, если практически трудно исполним, но теоретически вполне допустим и этот выход, чтобы священником Братства стал сам Блюститель».

Общение с членами Братства, граждански грамотными, но церковно невежественными, привело отца Романа к мысли о необходимости написания катехизиса в виде рассказов и диалогов, какие обычно бывают среди простых людей, когда они захотят поговорить о вере. И он написал книгу «Вечерние разговоры священника о вере», которая была издана в 1902 году в Санкт-Петербурге Александро-Невским обществом трезвости. Учебный комитет при Святей-

шем Синоде предложил направить ее «в фундаментальные и ученические библиотеки духовных училищ мужских и женских, в качестве пособия при преподавании и изучении Пространного катехизиса [митрополита Московского Филарета (Дроздова)]».

## **В Церкви нет овец бессловесных**

Вскоре отцу Роману представилась возможность перейти на иное место служения. Протоиерей церкви великомученика Георгия Победоносца при Главном штабе Григорий Словцов в соответствии со своим прошением был уволен за штат, а на его место 4 октября 1902 года был назначен священник храма равноапостольной Марии Магдалины при училище лекарских помощниц и фельдшериц, что на 2-й Рождественской улице в Санкт-Петербурге, Павел Левашев. Освободившаяся вакансия была предложена отцу Роману. 27 ноября 1902 года он был назначен настоятелем этого храма и законоучителем училища лекарских помощниц и фельдшериц. Храм от своего создания в 1875 году и до закрытия советской властью принадлежал военному ведомству, и его духовенство подчинялось протопресвитеру армии и флота, которым был в то время Александр Алексеевич Желобовский. При нем были заведены в церквях внебогослужебные собеседования для низших чинов, открыты в военных частях церковно-приходские школы, приведены в порядок воинские кладбища, при которых стали строить храмы, большое значение стало придаваться торжественности захоронения нижних чинов. В это время было сооружено более семидесяти полковых храмов и существенно улучшено материальное положение военного духовенства – увеличены жалования и пенсии. Отец Александр Желобовский говорил о возглавляемом им ведомстве, что ведомство военного и морского духовенства – это наибольшая в России по своей территории и исключительная по своему положению епархия.

В 1901 году при храме Марии Магдалины было учреждено Братство Святого Креста. Председателем Братства в 1902 году стал священник Александро-Невской церкви при Николаевской академии Генерального штаба Георгий Шавельский, секретарем – священник Роман Медведь, почетным членом Братства – протопресвитер военного и морского духовенства Александр Желобовский.

21 февраля 1903 года Братство отпраздновало вторую годовщину своего основания. Литургию совершил молитвенно и благоговейно начальник Урмийской миссии архимандрит Кирилл (Смирнов) в сослужении причта. «Священнослужителю, обычно совершающему служение в единственном числе, воочию доказывалось превосходство соборного служения, где отдельные огоньки теплящихся молитвою сердец сливаются в общее пламя умиления, возношения и духовного торжества», – писал отец Роман.

После того как в 1904 году священник Георгий Шавельский отбыл на русско-японскую войну, исполняющим должность председателя Братства Святого Креста стал священник Роман Медведь. Эту должность он занимал с 1903-го по 1908 год. Основной его деятельностью в Братстве стала религиозно-просветительская работа: устройство бесед с членами Братства и с больными, находившимися в Рождественском барачном лазарете, приобретение для больницы библиотеки книг, газет и журналов. Частично Братство брало на себя обязанности и по содержанию церковного хора. Те небольшие средства, которыми оно располагало, направлялись на благотворительность, в частности на устройство ёлок с подарками для детей из бедных семей. В больницу поступали в основном бедняки, иногда прямо с улицы; Братство оказывало материальную помощь им и их семьям, а также воспитанницам училища лекарских помощниц и фельдшериц. Члены Братства регулярно посещали больных и читали им религиозные книги, и часто между чтецами и больными после окончания чтения завязывались долгие дружеские беседы. Сами члены Братства также нуждались в религиозном просвещении, и с этой целью для них устраивались чтения докладов на различные темы с разбором их содержания. Отец Роман был одним из постоянных участников чтений. 17 февраля 1904 года он прочел доклад о деятельности русской женщины в войнах Крымской и 1877–1878 года, что было как нельзя кстати, учитывая то, что в это время началась война русско-японская.

В отчете о деятельности Братства Святого Креста при храме равноапостольной Марии Магдалины за 1903 год отец Роман напомнил, что всегдашней заботой Братства было поддержание благоустройства храма, и сообщил, что была отремонтирована лестница для прихожан, сооружены мраморный престол и жертвенник. «С утешением считаем возможным отметить, – писал отец Роман, – что дело церковного пения и в 1904 году, по примеру прошедшего, было поставлено удовлетворительно, и временами казалось, что даже делает шаги вперед». Во всё время председательства отца Романа, придававшего большое значение просвещению, продолжали приобретаться журналы и книги для больничной библиотеки и устраиваться чтения.

В 1904 году Святейший Синод удовлетворил просьбу протопресвитера Александра Желобовского и утвердил «Устав похоронной кассы» для военного духовенства. Целью похоронной кассы стала поддержка единовременными выплатами тех семей, в которых умер священник. Вносы в кассу были распределены на три разряда, и в соответствии со взносами выплачивалось и пособие. Но бывало так, что и тем семьям, где священник при жизни вносил недостаточную сумму или вносил ее нерегулярно, несмотря на это выплачивались не соответствующие таким взносам пособия. «Уповаю, что мои сослуживцы, всегда отзывчивые на доброе дело, сочувственно отнесутся и к этому учреждению», – сказал протопресвитер Александр Желобовский при начале этого совершенно нового дела. 4 февраля 1904 года был избран состав Правления; председателем был избран священник Роман Медведь, товарищем председателя – священник Преображенского всей гвардии собора Михаил Тихомиров, одним из членов ревизионной комиссии – священник церкви святых Захарии и Елисаветы Кавалергардского Ее Величества императрицы Марии Федоровны полка протоиерей Евгений Аквилонov. Отец Роман, участвовавший в братских собраниях военного духовенства и иногда ведший их краткую запись, которая затем публиковалась в «Вестнике военного духовенства», счел нужным записать фрагмент из речи протопресвитера Александра Желобовского на состоявшемся 16 ноября 1904 года собрании, которая касалась деятельности похоронной кассы.

«...Вдовы и сироты в нашем военно-духовном ведомстве не забыты и пользуются, сравнительно с епархиальным духовенством, значительным пособием, – сказал отец Александр. – Пособие это могло бы выдаваться в еще большем размере, если бы обращено было подведомыми мне пастырями должное внимание на доходность от продажи церковных свечей. Дело это, к прискорбию, до сих пор не упорядочено, и главным образом по причине равнодушного отношения к нему настоятелей церквей и отцов благочинных. А дело-то святое – помощь вдовцам, сиротам и питомцам разных учебных заведений».

28 марта 1905 года состоялось общее собрание членов похоронной кассы военного духовенства под председательством протопресвитера Александра Желобовского. Прошел год после основания этого учреждения взаимопомощи, и отец Александр с радостью засвидетельствовал успех его деятельности. «Были опасения за результаты нового начинания, – сказал он, – но, слава Богу, они оказались напрасными. За один год дело стало на прочную почву, в чем каждый интересующийся может убедиться из отчета Правления кассы».

По уставу кассы Правление и ревизионная комиссия избирались только на один год. И на 1905 год нужно было избрать новый состав, но, согласно общему желанию, состав остался прежним и председателем Правления вновь был избран отец Роман Медведь. Председатель ревизионной комиссии поднял вопрос о затруднительности собираться ежемесячно, как того требовал устав. Отец Роман, абсолютно уверенный в безупречности своей и своих помощников работы, предложил делать ревизии тогда, когда это сочтет нужным ревизионная комиссия. Но протопресвитер Александр отклонил это предложение, так как по его убеждению отношение ревизии к Правлению должно быть основано на принципе доверия, а внезапные ревизии, напротив, будут свидетельствовать о недоверии. А это доверие должно иметь и ожидать по праву, тем более что все работающие в кассе – священнослужители. «Уж если священникам не верить, тогда кому же верить?» – заключил он.

Было решено, в соответствии с определением Святейшего Синода, внести изменения в устав похоронной кассы после пяти лет ее существования. В заключение собрания протопресвитер Александр еще раз выразил радость по поводу успешной деятельности нового учреждения и предложил общему собранию ходатайствовать о поощрении отца Романа очередной наградой, с чем все выразили свое полное согласие.

Следующее собрание военного духовенства состоялось 31 мая 1905 года и почти полностью было посвящено событиям, связанным с русско-японской войной. Некоторыми высокопоставленными военными перед духовенством был поставлен вопрос, почему на панихидах об упокоении умерших воинов молятся только о православных воинах и исключают лютеран и католиков. Протопресвитер Александр предложил обсудить, нельзя ли опустить слово «православных» и молиться вообще – «об упокоении душ усопших рабов Божиих, воинов-христиан, за веру, царя и Отечество на поле брани живот свой положивших»? Он поручил заняться этим вопросом докторам богословия – протоиереям Евгению Аквилону и Сергию Соллертинскому. Отец Александр привел случай, связанный со смертью генерал-адъютанта графа Михаила Тариевича Лорис-Меликова, принадлежавшего к армяно-григорианской церкви, скончавшегося в Ницце во Франции и похороненного в Тифлисе. Уже была назначена панихида, на которую собралось до двух тысяч солдат, но священник отказался ее служить, и солдаты разошлись с недоумением и огорчением.

Протоиерей Евгений Аквилон в предложение обсудить этот вопрос высказался однозначно – установленная молитва о православных воинах есть принцип нашей Церкви, а принцип не справляется с тем, какое он производит действие – приятное или неприятное на иноверцев – лютеран и католиков. Протоиерей Сергей Соллертинский предложил направить вопрос о молитве за инославных воинов на рассмотрение Святейшего Синода. Но настоятель Сергиевского всей артиллерии собора протоиерей Иоанн Филосов возразил, сказав, что инославные солдаты и иноверцы имеют свое духовенство, которое и может совершать молитвы по умершим воинам согласно со своими обрядами. А кроме того, лютеране и не придают значения молитвам об усопших.

Посреди скорбных рассказов о событиях русско-японской войны весьма отрадным и утешительным стало сообщение отца Романа о благотворительной деятельности по отношению к семьям почивших священнослужителей. Никто из родственников почивших не остался неутешенным или обиженным.

Во время служения отца Романа в храме равноапостольной Марии Магдалины образовалась многочисленная община, и при ней было организовано общество трезвенников.

События 1905–1906 годов: революция с ожесточенными боями на улицах города и многочисленными жертвами, учреждение совершенно нового для политической жизни в России парламента, принятие Конституции, ограничивающей верховную власть царя, обновление общественной жизни, образование братств и новых политических партий – застали отца Романа в Санкт-Петербурге. Стали публиковаться программы и предложения, как перестроить жизнь в России. Даже религиозные общины стали объединяться, чтобы представлять собой единую силу. Часть единоверцев решили организовать во Всероссийское братство православных старообрядцев-единоверцев, а православные – в Православное братство для объединения всех приходов в России под началом одного из членов Союза русских людей князя Александра Григорьевича Щербатова. Как человек не равнодушный к историческим судьбам отечественной Церкви и Отечества отец Роман внимательно всматривался в эти динамичные перемены. Он не без оснований заподозрил, что единоверцы под руководством священника Симеона Шлеева собираются в самостоятельную организацию вовсе не для блага Церкви и Родины, а для отделения себя от Церкви, и от Родины в поисках собственных выгод; а православные приходы объединяют под возглавием одного из весьма уважаемых членов национальной партии для использования их в узких политических целях. Для всех было очевидно – пришла беда, и общество

и политическая система, в значительной степени повинные в приходе этой беды, находятся в состоянии смертельной болезни, расслабившей и государственный, и общественный, и церковный организмы. В воображении общественных деятелей невольно возникали образы Смутного времени и тогдашних спасителей Отечества – гражданина Минина и князя Пожарского.

«В наше время положение спасителей Отечества гораздо труднее, чем положение Минина и князя Пожарского в Смутное время, – писал отец Роман. – Тогда у всего русского народа был один церковно-государственный идеал, и достаточно было воззвания к совести русского народа, чтобы все концы земли нашей откликнулись на горячий патриотический и церковный призыв.

В настоящее время дело обстоит совершенно иначе. Идея связи Церкви с государством в той форме, в какой она сказала за два последние столетия нашей истории, совершенно дискредитирована, помрачен и самый церковный идеал. О той или иной связи Церкви с государством говорить преждевременно – сначала нужно утвердить и в теории и на практике идеал чистой церковности как известного нравственного института, который представляет собой нечто вождевленное для всякого любящего правду независимо от какого-либо другого политического и социального строя».

Недоумение вызвало у отца Романа и то, что запланированное Братство единоверцев собралось далеко не сразу, как бы сомневаясь, стоит ли подражать мытарю Левию, который, услышав призыв Христа, сразу же последовал за Ним. Или, может быть, им нужна была особая санкция человеческого начальства, чтобы последовать за Христом, или они, плохо думая о церковной власти, подозревали ее в том, что она может стать в противление Христу? Или сами учредители нового Братства по совести не могли сказать, что Спаситель уполномочил их на эти действия? И в этом случае «понятна задержка с учреждением Братства не только на несколько месяцев, но и на целую вечность», – написал отец Роман.

Россия в 1905–1906 годах находилась в бедственном состоянии, и перед политическими и религиозными деятелями невольно вставал вопрос о причинах этого бедственного положения и путях выхода из него. Предстояло прежде всего понять причины происходящего. Большая часть образованного общества видела причину бедствий в политической и экономической областях, соответственно в этих областях и предлагала рецепты реформ, несправедливо, по мнению отца Романа, игнорируя нравственную и религиозную сторону вопроса. С некоторой долей справедливости политики видели причины бедствий в бесправии русского народа и в абсолютистском характере Российского государства, с большой долей враждебности относящегося к народному просвещению, а следовательно, и к формированию народного самосознания. Соответственно с этим предлагались политические и экономические реформы, в которых, увы, полностью игнорировалась нравственная и религиозная сторона дела.

В отличие от политиков и экономистов отец Роман видел главную причину бедствий в нравственном состоянии русского народа. Свидетельство тяжелого нравственного положения в стране он видел в том насилии, которым сопровождалась жизнь людей и которое стало едва ли не привычным состоянием общественной жизни. Исходя из этого, он пришел к выводу, что причину всех бедствий следует искать в самих себе. И это тем более справедливо, что созидателями несчастного строя жизни являются сами православные русские люди, поскольку православие еще оставалось верой большинства русского народа.

«Но кто же такие мы сами? – спрашивал отец Роман. – Я член своей семьи, член своего прихода, член своей епархии, член Российской Православной Церкви, член Церкви Вселенской. Сообразно с этим на мне, кроме моих личных, лежат еще и обязанности соответственно возвышающихся организаций. На мне лежит ответственность не только за характер моей личной жизни, но и за характер жизни моей семьи, моего прихода и так далее до Церкви Вселенской включительно.

Исключительно личного „я“ в Церкви нет, так как оно переходит в „я“ всё высшего порядка, оканчиваясь Церковью Вселенскою как одним живым организмом, одним лицом, имеющим название Невесты Христовой.

Каждый христианин получает право говорить не только о своей вине, но и о винах общецерковных, так как границы между тою и другою виновностью точно провести невозможно. <...>

Но, прежде чем продолжать свое исследование, мы считаем необходимым ответить на следующее недоумение: имеем ли мы право искать вин у матери нашей Святой Православной Церкви, непогрешимой носительницы истины Христовой?

Если бы, говоря о вине Церкви, я бы имел в виду подвергнуть ее публичному позору, то, конечно, мой поступок напоминал бы известное всем деяние второго сына Ноева; но если эта речь имеет в виду отыскание средств для общего освобождения от вин, то, очевидно, это дело носит глубоко нравственный характер, потому что, несомненно, на нашей обязанности лежит каяться в своих винах и к тому же побуждать других.

Что касается святости нашей Церкви Матери, то относительно неё возможны два суждения.

Если эта святость такова, какою была Божественная святость Христа, то она всемерно должна побудить Церковь принять на себя вины других, как Спаситель понес на себе грехи мира.

Если же святость Поместной Русской Церкви гораздо низшего порядка, т. е. есть святость относительная, то, очевидно, Церкви повинить себя в своих собственных винах глубоко необходимо, как необходимо и всем вообще приносить покаяние в своих прегрешениях.

Что касается непогрешимости Церкви, то обычно относят это свойство только к Церкви Вселенской, а так как нам предстоит речь о Церкви Российской, то и с этой стороны поле для нашего исследования остается свободным.

В Православной Церкви в деле церковного устройства на первый план выступает епископское служение, за ним следует пресвитерство с прочими членами клира и, наконец, народ. Сообразно с этим распределяется и церковная ответственность: большая на епископах, меньшая на священниках, еще меньшая на народе.

Но, так как в Церкви нет овец бессловесных, а все овцы – словесны, ответственность народа может бесконечно возрастать в те моменты, когда епископство и пресвитерство оказывается не на высоте своего служения. В Церкви нет и не может быть такого закона, который заставлял бы народ слушать епископов и пресвитеров более Христа Спасителя, слепо им подчиняться независимо от того, оправдывают ли они свое служение смиренных преемников Христовых или нет. Носителем Христовой жизни является решительно всякий духовно рожденный, поэтому и на страже интересов Христовых в Церкви обязан стоять всякий, тем более в трудные минуты, когда многие епископы и пресвитеры оказываются ниже своего положения.

Да и помимо того, ни епископство, ни пресвитерство не могут ставить Духу Святому препятствий воздвигать из среды народа таких духоносцев, которые своею высотой превосходили бы всех епископов и пресвитеров, взятых вместе. С этой стороны все положения и все служения в Церкви являются уравненными, и от личных подвигов каждого зависит привлечь к себе и большее освящение.

Поэтому, нисколько не отрицая относительной ответственности в Церкви епископства и пресвитерства, нельзя забывать о нравственной ответственности за всю Церковь решительно каждого ее члена, причем виновность первых не только не освобождает от вины последних, но, наоборот, требует с их стороны повышенной ревности о славе Церкви».

Анализируя нравственное и религиозное состояние российского общества, состояние Поместной Российской Церкви, которая, как любая Поместная Церковь, не является носительницей всей полноты истины Христовой, ибо Невеста Христова – это только Вселенская Цер-

ковь, а каждая из Поместных Церквей, живя в том или ином обществе, страдает немощами и болезнями этого общества и в иных случаях далеко не является носителем высоких идеалов Христовых, – отец Роман попытался увидеть причины современных ему церковных и общественных болезней. Его выводы звучали как приговор. «Церковь, – писал он – в отличие от личности как явления в земной жизни преходящего, есть существо высшего порядка, проходящего через лица и поколения, но ими не исчерпываемая. Хотя в данный определенный момент судьбы Церкви часто являются сосредоточенными в лице даже одного, стоящего во главе ее управления епископа, но этот епископ отойдет, а Церковь останется. Отношение Церкви к деятельности первого по власти епископа может быть разное. Церковь может ее усвоить, но может и не усвоить, и сообразно с этим характер нравственности этого епископа на Церковь переходит или остается принадлежностью этого епископа. Если Церковь усвоит добродетель данного лица, общая нравственная атмосфера церковной жизни повышается; если усвоится порок, эта атмосфера понижается.

Представим себе следующее положение. Порок церковных правителей одного поколения Церковью Поместной был усвоен; последующие поколения от этого порока не только не освободились, но, усвоив его, прибавили к нему еще нечто и от своих немощей. Если практика церковного управления в этом духе продолжится в течение целого ряда поколений, то, очевидно, жизнь церковная придет в крайнее расстройство, потому что эти закоренелые грехи распространят во всей Поместной Церкви такую мертвящую атмосферу, в которой истинному христианину нельзя будет ни жить, ни дышать.

К глубокому сожалению, приходится сознаться, что в таком именно положении находится наша Поместная Российская Церковь. Старые исторические грехи тяжелым гнетом лежат на ее совести и довели современную церковную жизнь до совершенно расслабленного, полупаралитичного состояния».

Учитывая справедливость поставленного отцом Романом диагноза и то, что последствия болезни, которая охватила церковную жизнь, могут явиться крайне тяжелыми, так как нравственное состояние церковного общества со временем только ухудшалось, можно представить, сколько требовалось внутреннего напряжения и усилий, чтобы нравственно не погибнуть в то время. Только для мучеников был открыт свободный и прямой путь на пажи Христовы, в Царство Небесное.

16 ноября 1907 года состоялось очередное собрание священно-церковнослужителей военного и морского духовенства, на котором первым выступил протопресвитер Александр Желобовский, сообщив о чрезвычайной важности, по его мнению, события – увеличении вдвое жалования священнослужителей, прослуживших двадцать лет. «Обеспеченность для каждого и особенно для семейного человека имеет великое значение, и моральное, и служебное, – сказал он. – Я разумею не роскошь, не корыстолюбие, а относительное довольство. При отсутствии горькой нужды спокойствие душевное дает возможность работать и усердно и полезно».

Он напомнил, что военное духовенство этим почти целиком обязано настоятелю Санкт-Петербургского святителя Спиридона Тримифунтского Адмиралтейского собора протоиерею Алексию Ставровскому, потратившему много сил и времени, чтобы это решение наконец состоялось. Отец Александр сообщил, что было увеличено жалование и псаломщикам. «Я глубоко сочувствую обеспечению меньших сослуживцев, – сказал он. – Как сын псаломщика, я знал всю тяготу церковной службы и материальную наших церковнослужителей и в течение двадцати лет заведования военным духовенством хлопотал об улучшении их быта и сердечно рад за них».

Немалый успех имела и деятельность отца Романа Медведя по благотворению семьям священнослужителей, потерявшим своего кормильца. «Его Высокопреподобие, отец председатель настоящего собрания, изволил высказать свою радость по поводу успешного развития дел

кассы, – сказал отец Роман. – Мы принимаем с глубокой благодарностью этот лестный отзыв, но считаем своим долгом не скрывать перед общим собранием и тех отрицательных сторон, которые в деятельности кассы существуют».

Об отрицательных сторонах деятельности кассы помощи семьям почивших священнослужителей сделал доклад протоиерей Георгий Шавельский. До этого такой же критике деятельность кассы помощи подверг протоиерей Евгений Аквилон. Суть состояла в том, что в параграфе устава этого учреждения было записано, что всякий член кассы, не сделавший ни одного взноса в течение трех месяцев со дня кончины последнего почившего священнослужителя, должен быть исключен, и соответственно его семья не могла уже получить пособие. Однако на практике это не соблюдалось. «Правление за все три года ни разу не прибегало к этой мере, – сказал отец Роман. – Почему? В первый год существования кассы, пока военное духовенство еще не привыкло к новому учреждению и судьба кассы могла внушать опасения, требовалась особая осмотрительность и возможная мягкость к членам кассы, чтобы слишком жесткое отношение к членам кассы не оттолкнуло военное духовенство от молодого учреждения. Затем началась война с Японией. По случаю военных действий для многих членов кассы, находившихся на театре военных действий, сношения с кассой стали затруднительными...»

Правление в соответствии с пожеланием протопресвитера Александра Желобовского пошло еще дальше – до последней возможности оно не лишало материального пособия семьи почивших священнослужителей, даже в том случае, если сами почившие были неисправными должниками. Все члены кассы изначально записывали себя в тот или иной разряд, который зависел от суммы, внесенной в первый раз, а также суммы последующих взносов. Но бывало так, что внесший большой взнос вначале затем переставал платить, а внесший вначале меньший продолжал вносить и далее, а после их кончины семья почившего, который почти ничего не платил, получала значительно больше, чем семья того, кто платил регулярно. В результате третьеразрядные аккуратные плательщики внесли на дело общей благотворительности в четыре раза больше, чем перворазрядные. Бывали случаи, когда уже взрослый сын покойного священнослужителя начинал настоятельно требовать выплаты всего пособия, хотя его отец числился должником. В этих случаях отец Роман всегда склонялся в сторону благотворительности и милосердия, и пособие выплачивали полностью, хотя многие из почивших были недоимщиками и совокупный их долг вырастал до немалой по тем временам суммы – трех тысяч рублей.

Отец Роман обратил внимание собравшихся и на то, что «отцу казначею и отцу делопроизводителю приходится работать по кассе очень много, и три года оба они трудятся безмездно. Я находил бы справедливым, – сказал он, – положить им жалование по меньшей мере по 300 рублей в год и начать выдачу его с настоящего же ноября месяца.

При условии оплаты труда своих основных работников Правление получает возможность свободнее располагать их трудом для пользы кассы. Жалование переводит нас из сферы благотворения в область деловых обязательств, а в этой последней часто можно ввести через затрату труда такое улучшение, над которым при благотворительной постановке дела приходится задуматься, потому что улучшение вводится за чужой счет.

Хотя касса и страдает еще неизлеченным недугом недоимочности, но выгоды кассы несомненны. Мы начинали дело с одной тысячи, а теперь их у нас почти двадцать одна; каждый год дает по несколько тысяч. Поэтому новые расходы в несколько сотен касса понесет совершенно свободно».

Затем отец Роман прочитал заявление священника Антония Мшанецкого, который предлагал ввести в устав новый параграф, позволявший тратить уже имеющиеся средства на постройку и ремонт церквей. Но это предложение категорически было отвергнуто, так как не соответствовало благотворительным целям учреждения, направленным на помощь семьям священнослужителей.

На собрании состоялись выборы членов Правления и ревизионной комиссии на следующий год. Председателем Правления был вновь избран отец Роман, председателем ревизионной комиссии – протоиерей Евгений Аквилонov, а одним из членов ревизионной комиссии протоиерей Георгий Шавельский. В конце собрания протопресвитер Александр тепло поблагодарил отца Романа и его сотрудников за их труды, принесшие в столь краткий срок обильные плоды.

Став священником, отец Роман всего себя посвятил приходской деятельности, и этот напряженный труд через несколько лет сказался на его здоровье: он заболел туберкулезом, туберкулезом заболела и его супруга, и дальнейшее их пребывание в климате Санкт-Петербурга врачи сочли нежелательным.

3 октября 1908 года архиепископ Варшавский Николай (Зиоров) назначил отца Романа настоятелем Николаевской церкви в городе Томашове Петроковской губернии и законоучителем местного Александровского 4-х классного училища. На очередном собрании военного и морского духовенства, состоявшемся 17 ноября 1908 года, протопресвитер Александр Желобовский сообщил, что священник Роман Медведь по слабости здоровья переходит на службу в епархию на родине. Он поблагодарил отца Романа за добросовестность, усердие и рачительность, с которыми тот вел дела благотворительности. «За четыре года своего существования, – сказал отец Александр, – касса имеет уже капитала до 25 тысяч рублей, и за эти же годы выдала пособий 16 тысяч рублей. Мне и в голову не приходило, чтобы это дело дало такой блестящий результат».

## **Богом дарованную свободу мы вправе употреблять лишь на служение Ему – Богу правды**

После кончины протопресвитера армии и флота Александра Желобовского на эту должность 7 мая 1910 года был назначен протоиерей Евгений Аквилонov, придерживавшийся во многом взглядов своего предшественника. Будучи сам ученым богословом, он был ценителем высшего богословского образования и старался привлекать на службу в ведомство военного духовенства священников с академическим образованием. Через неделю после своего назначения протоиерей Евгений исхлопотал возвращение отца Романа в военное ведомство и 14 мая 1910 года назначил его настоятелем построенного в 1857 году обширного Адмиралтейского собора в Севастополе, вмещавшего до восьмисот человек, освященного в честь святителя Николая Чудотворца. К собору были приписаны храм святого равноапостольного князя Владимира и церковь Черноморского флотского экипажа во имя святого Ростислава, вмещавшая до тысячи человек, построенная для матросов, которые жили на берегу, и для обучавшихся новобранцев. Причт собора размещался в расположенном рядом с собором каменном двухэтажном доме. 20 июня 1910 года отец Роман был возведен в сан протоиерея и назначен благочинным над Севастопольскими недвижимыми военно-морскими храмами Черноморского флота.

Еще в 1905 году командование Черноморским флотом было обеспокоено религиозным и нравственным состоянием моряков. Командование видело главным средством воспитания команд их духовно-нравственное развитие, проведение бесед для противодействия влиянию сектантов и антиправительственных агитаторов. Однако при массе живущих в Севастополе моряков их религиозные пожелания удовлетворить было почти невозможно. Имеющийся в Севастополе небольшой штат морского духовенства при существовавших трех храмах морского ведомства едва мог удовлетворить религиозные потребности офицеров и их семей. Сами храмы могли вместить лишь небольшую часть моряков, на судах находилось всего два священника, и потому большая часть моряков не только была лишена духовного руководства, но и лишена возможности посещать богослужения. По этой причине командование Черноморского флота просило штаб флота увеличить число штатных священнослужителей, добавив к двум имеющимся восемь священников, по числу флотских экипажей. Или хотя бы даже трех – на два экипажа по одному священнику. Командование просило назначить священников «достаточно подготовленных, обладающих даром слова и могущих относиться к делу не с официальной лишь стороны, а вложить в него все свои силы и способности».

Назначение отца Романа благочинным явилось благоприятным для созидательной деятельности флотского духовенства. В конце 1910-го и в начале 1911 года был проведен ряд собраний берегового духовенства и офицеров Черноморского флота под председательством командующего флотом вице-адмирала Ивана Федоровича Бострема. На этих собраниях духовенство дружно свидетельствовало о низком религиозно-нравственном уровне моряков, причем именно тех, кто уже служил некоторое время во флоте. Нравственное состояние новобранцев, по мнению духовенства, было вполне удовлетворительно. Отец Роман сообщил, что доля новобранцев, не пораженная добрым сожительством и развратом, была от 60 % до 90 %, зато старослужащие были задеты различными формами разврата от 90 % до 99 %. Причины этого он видел, в частности, в неблагоприятных условиях служения духовенства на флоте. Например, литургии на кораблях совершались только в двенадцатые праздники, и для ведения бесед с нижними чинами священникам флотским начальством времени не предоставлялось. Только во второй половине 1911 года в связи с широким распространением сектантства и по инициативе вице-адмирала Бострема духовенству было разрешено собраться на совещание, которое привело наконец к практическим результатам: «Стали более точно соблюдаться

статьи морского устава относительно богослужений, то есть чаще стали совершаться обедни и всенощные бдения; священнику было предоставлено два часа в неделю для бесед с командой; было назначено по одной копейке с человека для приобретения и бесплатной раздачи командам брошюр и листов религиозно-нравственного содержания...»

После назначения командующим Черноморским флотом вице-адмирала Андрея Августовича Эбергарда к этим положениям добавились новые: «Благочинные, сначала судовой, а потом флагманский, получили права непосредственных докладов командующему флотом; те суда, где не было священников, были распределены между наличным составом духовенства; не осталось ни одной части флота, которая не была бы поручена духовному наблюдению того или другого священника; священники стали вести беседы не только на тех судах, на которых числились, но и судах, им приписанных; было вменено в обязанность командам судов, не имеющих своих священников, посещать богослужения в береговых морских храмах, и главным образом во Владимирском соборе». Морякам наконец была дана возможность соблюдать пост и приготовиться к исповеди и принятию Святых Христовых Таин. Хотя результаты этих мер и получились утешительными, но, однако, недостаточными в сравнении даже с тем, что было тогда в армейских частях.

Приближалось смутное время, обнажавшее не только социальные, но и религиозные проблемы. «Таврические епархиальные ведомости» в 1911 году писали о них: «Злоупотребляя дарованной Высочайшим Манифестом 17 апреля 1905 года религиозной свободой, всюду в городах и в селах появились разного рода лжеучителя, которые под видом благочестия и проповеди о спасении во Христе стали распространять в народе пагубные ереси...

Город Севастополь в этом отношении является наглядным, весьма характерным, хотя и печальным примером. Здесь приютились и ведут деятельную пропаганду всякого рода сектанты. Здесь есть баптисты, „евангелические христиане“, адвентисты, есть хлысты, „новые израильтяне“, духоборы, толстовцы. Все эти сектанты враждуют друг с другом, в одном только они сходятся – в крайней вражде и ненависти к Церкви Православной».

Летом 1912 года восстали матросы на линейных кораблях «Иоанн Златоуст», «Евстафий», «Пантелеимон», «Синоп», «Три святителя», крейсерах «Кагул», «Память Меркурия» и корабле службы связи «Кронштадт». Восставшие предполагали убить офицеров и захватить корабли. После подавления мятежа были арестованы и предстали перед судом 143 человека. 17 человек было приговорено к расстрелу, 106 – к каторжным работам от 4-х до 8 лет. 20 человек было оправдано. Командующий Черноморским флотом адмирал А. А. Эбергард утвердил смертный приговор 10-ти из 17-ти приговоренных. Для оздоровления нравственной обстановки среди моряков отец Роман предложил командованию флотом употребить духовное средство – индивидуальную исповедь, дабы с помощью таинства Покаяния поднять дух моряков. Командование согласилось.

После ликвидации восстания адмирал Эбергард обратился к протоиерею Роману с вопросом, нужно ли вводить во флоте тайную полицию для выявления настроения моряков. Священник заверил командующего, что настроение моряков здоровое, и тайная полиция введена не была. По просьбе командующего протоиерей Роман написал и выпустил книгу о дисциплине и товариществе во флоте.

У отца Романа сложились прекрасные отношения с командующим Черноморским флотом, о чем протопресвитер Георгий Шавельский в свойственной ему желчной манере писал: почтение адмирала к протоиерею Роману таково, что во флоте стали говорить, что «флотом командует не адмирал Эбергард, а протоиерей Медведь».

В послепасхальные дни 1914 года адмирал Эбергард предложил отцу Роману совершить двухнедельное плавание по Средиземному морю на яхте «Алмаз». Отец Роман давно уже хотел познакомиться с деятельностью судовых священников на греческих военных судах, а учитывая, что российские военные суда из Черного моря выходили редко, это предложение было

для него большой удачей. Во время плавания отец Роман исполнял обязанности судового священника. На «Алмазе» церкви не было, и отец Роман взял с собой всё необходимое для богослужения, в том числе и антиминос. С собой он взял несколько сотен листов религиозного и патриотического содержания и «Троицкие листки» для раздачи матросам. Испросил он разрешить ему взять с собой церковного сторожа, который был хорошим чтецом и певцом.

Знакомясь с постановкой дела религиозного просвещения на греческих кораблях, отец Роман выяснил, что на малых кораблях храмов не было вовсе, но зато на больших кораблях храмы были подобающим образом благоустроены – с резными иконостасами красного дерева и с лампадами, которые не гасились во всё время похода. Зато с церковным уставом греки не церемонились, и лишь присутствие русского священника их несколько сдерживало. На литургии после чтения Евангелия сразу следовала Херувимская, а после Херувимской – Символ веры. На военных больших кораблях дело было поставлено несколько лучше – здесь служили архимандриты, так как греки справедливо считали, что для флота хорошие священники имеют большое значение. Поскольку число священников было ограничено, то они служили поочередно на разных кораблях. Если корабли стояли вместе, то моряков перевозили на один корабль, где совершалось богослужение; если корабли были рассеяны, то команды шли в приходские храмы на берегу. Все священники вели по две беседы в неделю на евангельские темы, причем беседы проводились и на всех приписных кораблях и продолжались не менее часа. Обязательная общая молитва совершалась один раз в день, около 10 часов утра. На молитву собирались все – от адмирала до матроса. Молитва читалась священником, а если его не было, то церковником. Читались из утреннего правила только начальные молитвы, и затем сразу следовало окончание: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас». Вечером молитва заменялась спуском флага и пением гимна, для чего присутствие священника считалось необязательным. Греки на кораблях строго постились в среду и пятницу, весь Успенский пост, последнюю неделю Рождественского поста, первую и последнюю недели Великого поста. Причащались моряки два-три раза в год. Священники исполняли на кораблях все требы, но платы за это не получали, так как имели жалование. Всенощных бдений на кораблях не совершалось, а только литургия, причем поскору. В общем религиозная жизнь на греческих кораблях и в греческих приходах произвела на отца Романа впечатление весьма неожиданное, которое еще предстояло обдумать.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.